

Виктор
Малашенков

Я Б У Т Ы Л К
Д Л Д Ж И Н Н А

Не решив всех проблем на Земле, люди стремятся завоевывать Космос. Неужели в Космосе нужно оружие, страх, смерть и все то, что несет человечество вместе со своей суперцивилизацией?

Генри Отс оказался на самом остром событии, когда наш мир вдруг столкнулся с тем, что его «закупорили» в Солнечной системе. Генри пришлось принимать совершенно не присущие ему решения, чтобы сгладить конфликты между земной цивилизацией и могущественным невидимым противником. Читайте роман «Бутылка для Джинна» и ощутите себя тем самым безбашенным джинном, который может... все!

Виктор Малашенков

Бутылка для Джинна

Глава I

Я могу сказать откровенно, штурман из меня получился неважный. Повинуясь моде, я вместе со своими товарищами поступил в аэрокосмический колледж, даже не представляя, кем я из него выйду. Нет, фантастические романы мне чужды никогда не были. Это было интересно, особенно до десятого класса, когда меня вдруг потянуло на романтическую литературу.

Друзья собирались вместе, организовав, таким образом, своеобразный клуб. Я среди них всегда пользовался авторитетом, хотя до сближения дело не доходило. Как-то было само собой разумеющимся, что я нахожусь с ними. Разбирался я во всем быстро, но очень поверхностно, что позволяло мне частенько не только просто участвовать в разговоре, но и направлять, а иногда и кое-чему обучать своих «коллег».

Мне было приятно такое положение дел. Так время и проходило. Практически все уже определились, куда они будут поступать после школы. Я же остался в гордом одиночестве со своим задранным носом. Конечно, так

продолжаться долго не могло. Закончили мы школу, сдали экзамены и собрались как-то снова в нашем «клубе». Слово за слово, так и пошел разговор, в основном об учебе. Трое из всей компании уже наметили себе поступление в аэрокосмический колледж, остальные «предали идею», как горячо, но вместе с тем грубо, выразился один из тройки. Своего мнения не выразил только я один. И они все — и грешники, и праведники — уставились на меня в ожидании окончательного приговора. Что мне было делать? Сейчас я бы рассмеялся и пригласил ребят попить пивка, а тогда что-то во мне не сработало. Я принял сторону тройки и автоматически на следующий день выехал вместе с ними в соседний город.

О, как это было приятно. Мне нравилось поступать, я млеял и красиво сдавал экзамены. Я успевал готовиться сам, подтягивал товарищей и играл во все игры, доступные абитуриентам в общежитии колледжа. Это была прекрасная пора — я буквально парил, купался в блаженстве. А у моих товарищей дела шли несколько похуже. Один из нас «срезался» буквально на первом же экзамене. И, что самое удивительное, он потенциально мог его сдать. Наверное, нервы не выдержали.

Всей толпой мы провожали его на поезд, уходящий в столицу. Домой возвращаться после неудачи он не собирался. Прощание было не очень

веселым, но и слезу не вышибало. Мы тогда думали, что наш товарищ не пропадет не только в столице, но и на чужой планете.

На следующий день все вошло в свою колею, если не считать пустующей койки в углу нашей комнаты. Экзамены мы сдали все. Один из товарищей сдал даже лучше меня, к его же удивлению. А я не удивился, ведь если честь, сколько занимался я и сколько он, то все справедливо. А вот третий оказался за бортом. Сдать экзамены он сдал, да вот по конкурсу не прошел, не добрал полбалла.

И вот тогда у меня промелькнула мысль. Насчет того, что он мог бы быть на моем месте, откажись я тогда поехать с ними. Но мысль мелькнула и улетела. Жизнь продолжалась. Мы остались вдвоем, но и этого судьбе было мало. Когда мы собрались на учебу, оказалось, что мы попали в две разные группы. Так что встречались мы с ним только вечером, если не было каких-либо мероприятий.

Постепенно и у меня, и у него появились друзья, и теперь нас связывало только одно слово — земляки. Учение давалось мне тоже относительно легко. Только вот старая беда осталась — я все воспринимал поверхностно. Не один раз приходилось ловить себя на мысли, что мне это не нужно, не интересно и никогда в жизни

не пригодится.

Однажды я даже решился на разговор с деканом. Сначала он спросил, не заболел ли я. Получив отрицательный ответ, он покачал головой и с ехидной улыбочкой попытался у меня выведать, не влюблен ли я в какую-нибудь девушку не из нашего города. Получив и здесь отрицательный ответ, он пришел в ярость, якобы настоящую. Мне была прочитана лекция, что я есть на самом деле. Наиболее часто повторялось слово «безответственность» в разных видах и склонениях. Присутствовали и другие, но реже и ко мне, как тогда казалось, они отношения не имели. Короче говоря, не захотелось быть безответственным (это такая у меня для своей совести «легенда») и я остался. Результаты пожинаю по сей день.

Закончил колледж я неплохо, хотя и неблестяще, где-то ближе к середине списка. Распределение получил в самое лучшее из оставшихся от более трудолюбивых товарищей место. Место неплохое, как мне сначала показалось. Только оказалось, что нас учили совсем не тому. То есть то, чему учили, составляет мизерную часть от того, что пришлось познавать на «рабочем» месте. Все высокие научные познания пришлось отложить на самую верхнюю полочку, пусть немного отлежатся. То, что они запылятся или мышка погрызет, тогда особенно не волновало. Просто

было обидно за напрасно потраченные усилия, можно сказать, за бесцельно прожитые годы. А началась моя работа с вахты на старом, с мелкими выбоинами на черном корпусе, корабле, повисшем на задворках ставшей такой родной планеты Земля.

Как мне сказали, у меня проходил период адаптации. А потом, все зависит от моего организма, уже на другом корабле меня отправят каким-нибудь по счету помощником штурмана. Вот тебе и вся карьера. Сначала надо научиться драить, космическую палубу, услужливо подносить по первому требованию все, что нужно, своим начальникам. А их оказалось столько, что сразу всех и не упомнишь. Наверное, больше, чем родственников в геральдике королей.

Об этом я мечтал всю жизнь! Вот она, прелесть бытия. Так бы сразу и говорили, что нужны негры на плантацию, если мне не изменяет память, так говорили в старину. А еще мне захотелось встретиться с деканом и спросить у него, так что же такое безответственность?

Но время шло, я постепенно входил в коллектив. Ребята в большинстве своем оказались неплохими парнями. Говорили, что командир наш не просто человек, а ходячая легенда, но меня эта романтика почти не трогала, и я поначалу с сожалением смотрел на их восторженные лица. Так же смотрели бы и они на меня, когда в долгом

полете меня ничто не могло бы поддержать морально. Зато они держались как огурчики. Романтика играла здесь не последнюю роль. Но я отвлекся.

День, которого все так ждали, наступил. Точнее, не день, а время. Нас отправили на Землю, где туманно намекнули, что после трехдневного отпуска мы на новом корабле отчаливаем в средней длительности полет. А пока — извольте переодеться и скорым шагом — на аэровокзал.

Отпуск — это прекрасно. Но что такое три дня? По их окончании я уже сожалел, что они были. Мне крупно не повезло. В один из вечеров я встретил свою бывшую одноклассницу, и у меня появилось чувство, что я увидел ее впервые. Из худющего, угловатого подростка, у которого определителем пола служили две косички, выросло нечто — ну, вы сами понимаете. В моей черствой душе что-то повернулось и, наверное, совсем неправильно. Появилось какое-то беспокойство, неуравновешенность. Больше я ее не встречал и, по приговору «бывалых», еще раз смогу увидеть только в глубокой ее старости. Но беспокойство осталось, а с ним и чувство утраты.

Родителей у меня уже не было, а к родственникам ехать не хотелось. Слезы, прощания и прочее нужны мне как прошлогодний снег. Я дал телеграммы о своем отлете и провел эти три дня

среди людей, не подозревающих о моих делах, да и ни к чему это им. Просто отдохнул, но огорчения не избежал. Все-таки, душа моя оставалась здесь. И надо же было ее встретить!

Вот в таком состоянии и начался мой первый «межзвездный», как шутили мои новые товарищи, перелет. Этот перелет планировался на базу, находящуюся на орбите искусственного спутника Юпитера. Эта база создавалась уже много лет. Каждый пролетающий корабль доставлял на нее какой-нибудь новый модуль, так что в скором времени это будет уже искусственная «малая планета».

Со свойственным мне скептицизмом я представлял себе эту база как сотни кораблей такого же типа, что и наш или тот, на котором я адаптировался, только соединенные вместе. То же самое, только много. И людей много, и, соответственно, начальства. Таким образом, для меня интересного в этом не так уж и много.

Так вот, мои «межзвездные» приключения начались с удивления. После выполнения формальностей нас погрузили, я не ошибся в выборе слова, в транспортный корабль, и отправили на орбиту. Отрыв от земли для меня всегда был большим событием, независимо, самолет это был или космический корабль. Я хочу сказать, что событием не особенно приятным.

Все произошло слишком быстро, чтобы я успел рассмотреть, как выглядит наш новый корабль. По крайней мере, эта громадина мало походила на ту жестянку, где я успел побывать. Нас спешным порядком препроводили на борт этого гиганта. Снова формальности, обработка, переодевание, сбор в большом помещении, где на наших глазах из пола выдвинулись скамьи и, попробовав их на устойчивость, мы расселись в ожидании, когда с нами сделают что-нибудь еще.

Здесь я получил возможность оглядеться. Вокруг меня были в основном такие же юнцы, как и я, поэтому ожидать нужно было наших руководителей, неторопливых, умудренных опытом дядей со строгими лицами, держащих в руках указки для объяснения прописных истин и наказания нерадивых учеников.

Но удивляться я еще не разучился. Открылся шлюз, и вошла группа относительно молодых людей, громко говоривших и смеявшихся на ходу. Не было того разглядывания, когда под суровым изучающим взглядом у тебя начинают мурашки ползать по спине, не было любопытства с их стороны, когда начинаешь себя чувствовать зверьком, сидящим в клетке в зоопарке. Вся группа расселась на таких же скамейках невдалеке от входа, от нее отделился крепкий черноволосый мужчина и подошел поближе к нам. Его открытое

лицо располагало к себе, мне он показался вполне симпатичным, не знаю, может быть кому-нибудь и не очень.

— Разрешите представиться. Я — командир этого корабля. Зовут меня Джек Орвилл. Честно признаться, я никогда не командовал такой большой бригадой. Нет, меня это не смущает, а радует. Радует и то, что вы все молодые и хорошо подготовленные. Нам было значительно труднее, еще не было таких хороших преподавателей, как у вас. Так что не переживайте, тяжелее, чем нам, вам не будет. А вот интереснее — это я вам обещаю. Сейчас ваши руководители все вам расскажут и покажут. Мы немного, два-три дня, повисим здесь, а вы привыкайте, приводите корабль в порядок. Со мной пойдут мои помощники. Вы и Вы. Прошу за мной, — командир направился к выходу, за ним поплелись двое юношей. Было видно, что они очень переживают.

Один из пришедших назвал моя фамилию и я, а вместе со мной встали еще двое, направился к нему. Штурман был молод, по виду всего лет на пять старше меня, но по своей манере держаться, по веселому, даже лукавому лицу выглядел, наверное, моложе меня. Я по обычаю держался отчужденно и физиономия моя веселостью не блистала.

— Привет, ребята! Я — Альфред. — Он пожал каждому руку. Чувствовалось, что его

благожелательность не наиграна. — Пойдем в наш блок, там у нас все: и дом, и работа. Теперь это, видимо, лет так на...дцать! Не вешайте свои носы, — это он мне, — обживемся. Здесь полгода нужно, чтобы корабль осмотреть. Я только свой блок и знаю. Пошли! — скомандовал он, видя, что никакой реакции от нас не добьешься.

Добирались мы долго. Пока нашли лифт, потом долго поднимались в нем, а затем шли, шли... Эти пятнадцать — двадцать-тридцать минут показались мне вечностью.

Мне здесь почти нравилось, но я был не в том настроении, чтобы признаться себе в этом. Комнаты двухместные. Неплохо, а, может быть, одноместные были бы лучше? Сейчас бы самому побыть, наедине с собой, а, впрочем, зачем, сойдет и так.

Я осмотрелся. Все сделано аккуратно, блестит красиво. Это правильно. На черных нарах не очень весело спать.

Пока Альфред показывал комнату моим коллегам, я осматривал свою, причем с такой тщательностью, как будто у меня не будет времени на это. На первый взгляд, несколько пустовато. Судя по всему, все вмонтировано в стены. Возле стены, противоположной входу, расположился компьютер. Я подошел к нему и осмотрел. Компьютер как компьютер. Включил. На экране

появилась надпись — «Привет». Я набрал такую же. На экране появилось меню. Весь экран был занят всевозможными предложениями удобств. Я выбрал температуру. На запрос машины — какую температуру мне нужно, я поставил семьдесят градусов по Цельсию. И вскоре взмок. Тут же я отменил команду. Все вернулось на свои места, кроме мокрой рубашки. Мне надоело стоять, и я выбрал режим «сидеть». Предложения были самые разные — от табуретки до кресла-качалки. Я выбрал табуретку, так как в кресло не привык садиться в мокрой рубашке. Табуретка выскочила рядом со мной, и я уселся на нее с видом человека, которому предстоит долго ждать.

В такой позе меня и застал мой начальник. Он посмотрел на меня, склонил голову набок и засмеялся.

— Генри, ты, наверное, собираешься просидеть весь полет? Такое впечатление, что более мрачной личности я еще не видел. — Очевидно, Альфред имел обыкновение высказывать свои мысли прямо, не боясь обидеть человека. — О, да ты уже разобрался! Молодец, а тем двум я полчаса рассказывал сказки о скатерти-самобранке. Как ты понял, здесь есть практически все, и материальное, и моральное.

— Моральное? — больше, чтобы поддержать разговор, промямлил я.

— Ну, ладно, не придирайся. Не совсем моральное, а так, для души. Кстати, а чего это ты такой скромный? Сидишь на табуреточке, как засватанный? Не стесняйся, кресла здесь мягкие, мягче, чем в лучших отелях.

Я почувствовал, что в его присутствии становится немножко легче, проще, что ли.

— Да ты знаешь, я поэкспериментировал с температурой, немножко перегрелся... — мои слова были прерваны его безудержным смехом.

— Хорошо, что не поставил на минус сто, сейчас бы тебя размораживали!

Мы легко и от души посмеялись, причем так громко, что в дверях показались удивленные физиономии наших коллег. Альфред знаком показал им, что они могут войти. Утерев выступившие слезы, он представил нас. Тот, что повыше, был Тэдди, а крепыш — Жан. Вот так и состоялось наше знакомство. Меня усадили за компьютер, и мы как дети пробовали все возможные комбинации, пока не проголодались.

— Ребята, я забыл вас предупредить, что наш командир только с виду такой простой. Он мягкий во всем, кроме дисциплины. Генри, набери распорядок дня, посмотрим, что у нас сейчас. — Альфред посерьезнел и посмотрел на часы. Я набрал команду, и на экране высветилось расписание.

— Вот так-то, у нас есть пятнадцать минут до обеда. Быстренько принимаем душ и переодеваемся, — голос Альфреда приобрел металлические нотки.

— А можно вопрос? — не выдержал Жан. — А что это...

— Вопросы потом, выполняйте приказ, — еще более жестко сказал Альфред.

Насчет быстроты нас учить не нужно было. Принять душ — дело пяти минут. А вот с новой одеждой пришлось повозиться. Не то, чтобы она была особенной, почти обычный комбинезон, но быстро найти нужные лямки и кнопки дело не такое уж и простое. Мы уже на ходу помогали друг другу застегиваться. Альфред рысью припустил по коридору, мы — за ним. Ровно в половине первого в столовую вошел Орвилл со своими подопечными. Стол по правую руку от нас был свободен.

Было видно, что настроение командира резко изменилось. Он усадил своих ребят и стал неторопливо прохаживаться вдоль стены. Через две-три минуты подросла команда под руководством молодого веснушчатого парня. Он подбежал к командиру и вытянулся по стойке смирно. Было видно, как он побледнел. Доклада не было, оправданий тоже. Командир сказал кратко: «Замена» и пошел к своему столу. Веснушчатый постоял, лицо его перекошилось, будто он выслушал

приговор о смерти. Затем повернулся и со слезами на глазах вышел из столовой. Трое его подчиненных не знали, что делать дальше. Один из них подошел к столу командира и попытался оправдать своего начальника. Объяснил он опоздание своей собственной нерасторопностью. Командир посмотрел на него и, не моргнув глазом, произнес:

— Вы полетите на Землю вдвоем, — и никаких эмоций.

Я не мог стерпеть такого обращения, ведь здесь не тюрьма и командир не Господь Бог. Да за такое отношение... Едва я начал вставать, как почувствовал руку на своем плече. Такой силы от Альфреда я не ожидал, поэтому послушно сел.

— Сиди, — прошипел он. — Я потом все объясню.

За соседним столом сидело двое вместо положенных четверых. Обед был отменным, но было видно, что никто не придает этому значения, кусок становился поперек горла. «Старики» же с аппетитом поглощали содержимое пластмассовых тарелок. Создавалось впечатление, что происшедшее мало их трогало. Ровно в час командир встал, оглядел присутствующих. Он явно заметил нетронутые порции на столах и отвернутые от него лица. Но на его лице не дрогнул ни один мускул.

— Командирам групп увести подчиненных на отдых, — раздался его голос.

Мой сосед, Тэдди, вздрогнул и растерянно оглянулся. Все встали и группами начали выходить из столовой. Я обернулся и увидел, что остались только двое, они стояли и не знали, что им делать дальше. Я окликнул Альфреда и показал глазами на этих несчастных. Он показал мне большой палец, мол, все нормально. Мне, как впрочем, и всем остальным, не терпелось остаться со своим начальником наедине и о многом, очень многом расспросить. Но Альфред довел нас до наших кают и ушел.

Мне, конечно, не хотелось оставаться одному, но боязнь подставить под удар Альфреда заставила меня отказаться от мысли присоединиться к моим новым товарищам. Не знаю, как остальные, но я лично был возмущен поведением командира. Тоже мне, диктатор нашелся. Если бы не Альфред, я ему сказал бы кое-что из неопубликованного словаря. И тут же мелькнула мысль — и остался бы я на Земле, с позором снятый с этого самого корабля. Что я бы смог сделать? Да ничего.

Я мерил шагами свою келью и не заметил, как прошло полчаса. Альфред появился вовремя, и мы двинулись на наше рабочее место.

— Послушай, командир, Ты можешь нам кое-что объяснить? — я весь кипел от негодования.

— Я объясню, но не раньше 19.00. К сожалению, или к счастью, расписание для нас — это закон и не мне его менять, — мягко, но довольно убедительно отрезал Альфред, — и привыкайте к тому, что на службе надо называть всех по должности. Я, например, штурман. Вы это знали? — обратился он к нам совершенно серьезно, но в глазах его светилась смешинка, — а отвечать нужно — да, сэр. Это нетрудно, привыкните быстро, — обратился он ко мне.

— Да, сэр, — в очередной раз я почувствовал его превосходство.

Помещение, в котором нам предстояло работать, было прекрасно оборудовано. Как и везде, ничего лишнего. Огромный, во всю стену, экран с изображением той части звездного пространства, с которым нам предстояло работать, и два компьютера с удобными для работы креслами. Ничего более. Никаких столов, заваленных картами и бумагами. В нашем колледже все было не так, и это радовало, по крайней мере, будем что-то изучать, даром время проходить не будет.

Но время сюрпризов, наверное, еще не прошло. Усадив нас за компьютеры, Альфред стал в позу преподавателя и произнес:

— А сейчас мы приступим к изучению курса навигации в условиях полностью автоматизированного полета.

У нас отвисли челюсти. Большого, наверное, не мог бы сказать ни один профессор. Ехали, ехали и приехали. Штурман сделал паузу и, удовлетворенный результатом, продолжил.

— В данных условиях от нас требуется только одно — постоянно быть в полной готовности заменить компьютерную сеть в любой момент времени. Мы пройдем ряд аварийных отключений, но только тогда, когда будет полная уверенность в том, что мы готовы это сделать. Поэтому, если вы уже расслабились и приготовились отдыхать в течение всего полета, то вы глубоко ошиблись. Занятия будут проходить ежедневно и по полной программе. Нас будет тошнить от количества повторов и отсутствия новизны. Вас будет воротить от одного только моего вида, а меня от вашего, но все это нужно пройти. Кроме того, один из нас должен находиться на вахте. Девять часов дежурство, следующее через двадцать семь часов. Режим достаточно жесткий, если учесть, что придется придерживаться основного расписания. Это, так сказать, вводная часть. А сейчас приступим к ознакомлению с материальной частью...

К пяти часам нам уже не хотелось идти ни на какую гимнастику. Альфред отнял у нас все силы. Таких занятий я еще не видел. Штурман вылил на нас такой водопад информации, что мы едва успевали следить за ходом его мыслей.

Тэдди пытался задавать вопросы, но Альфред заставил его сесть и продолжал свой монолог. Создавалось впечатление, что его не интересует, усвоили мы новые знания или нет, он шел вперед и не оглядывался.

Лично я был ошеломлен всем происходившим на корабле. Иногда мелькала мысль, что наши начальнички просто не успели реабилитироваться после очередного полета. Командир играет роль властелина вселенной, а штурман — роль компьютера, переполненного накопившейся информацией за время полета. Нереальность происходящего становилась все более явной.

Так или иначе, время близилось к пяти часам и я начал про себя гадать, что же за гимнастику предложат нам в этом ковчеге? Наверняка, что-то уж слишком специфическое, отработанное в полете и принятое за единственно верное. Я представлял себе дикие позы, в которых переплетались все конечности и не удержался от улыбки. Альфред уставился на меня, я явно сбил его с мысли.

Чтобы избежать объяснений, я постучал по циферблату, мол, время подходит к концу, не нарушай распорядок и веди нас туда, где мы должны быть. В глазах Альфреда что-то сверкнуло, но он сдержался. Каково же было мое удивление, когда он привел нас в обычный гимнастический зал, и мы занимались обычными упражнениями,

которые знали еще в школе. Я даже немного разочаровался. Ничего особенного.

Понемногу разогревшись, я увлекся и показал несколько упражнений, за которые был награжден аплодисментами. Так час и прошел. Когда Альфред подал команду на выход, слышались возгласы недовольства.

То, что происходило с нами в следующие полчаса, походило на детские игры. Каждому из нас предлагалось пройти несложные тесты, начиная с теста на внимательность, кончая тестом на реакцию. Я поймал себя на мысли, что такая несложная работа меня действительно успокоила. Я как ребенок двигал кубиками, искал нужные цифры и отзывался на определенные звуки. Просто и эффективно. А самое главное, я чувствовал себя увереннее — еще бы, все тесты я прошел!

Короче говоря, на ужин я шел в прекрасном настроении, еще немного, и я начал бы насвистывать что-нибудь веселенькое. А в столовой еще один сюрприз — за соседним столом уже сидела в полном составе проштрафившаяся команда, все, включая командира с его миллиардом веснушек. Вопросы отпали сами собой, и ужин показался особенно вкусным. Тем более, что нам предстояло немного и отдохнуть.

Управились с ужином мы быстро. Мы, я имею в виду пополнение, а «старики», как мысленно я

называл основной экипаж, на удивление медленно, можно сказать, с толком и расстановкой, поглощали свои порции. По ним можно было сверять часы. Наверное, что-то было в этом рациональное, хотя пока я этого не чувствовал. Поднялись мы всей командой, пошли в свой отсек, сгорая от любопытства. Альфред шел впереди, напевая какую-то старинную мелодию, остановился у двери нашей с ним комнаты и жестом пригласил всех войт- Генри, будь добр, создай нам уютную обстановку, — тоном постоянного клиента в шикарной гостинице попросил он.

Меня начинало коробить его поведение. Я уже не знал, как к нему относиться, да, наверное, не только к нему. С одной стороны доброжелательность до предела, с другой — невысказанное требование полной подчиненности. Я так не привык, и, думаю, остальные из вновь прибывших — тоже. Я представляю это дело так — если ты начальник и требуешь полного подчинения, то ты должен выглядеть соответственно, то есть иметь строгий вид и держать подчиненных на определенном расстоянии. А так, как держал себя Альфред и ему присные, вызывало, по крайней мере, недоумение.

Я набрал программу. В центре комнаты появились четыре кресла навстречу друг другу. Мы расселись и уставились на своего начальника. Он

рассмеялся.

— Вы так на меня смотрите, как будто я в чем-то провинился и теперь должен объяснить свое поведение, — его слова почти соответствовали действительности и Альфред знал это. — Так вот, извиняться перед вами я не буду, а расскажу одну историю из нашей жизни. Эта жизнь, так уж получилось, соприкоснулась с вашей только совсем недавно. Сначала заочно, когда нам предложили довольно внушительное количество кандидатов, и мы долго мучились, прежде чем отобрали нужных людей. Да будет вам известно, что мне сейчас по вашим меркам, я имею в виду по земному календарю, уже сто тридцать лет. Немало, правда? А по нашему времени мне скоро должно стукнуть двадцать семь, то есть, я на несколько лет старше вас. Одновременно и старик и молодой — интересно, правда?

После этих слов я начал понимать, пока еще смутно, смысл его поведения. Альфред сам еще не освоился со своим положением. То есть, не воспринимал всерьез эти временные парадоксы. Вся действительность напоминала собой игру, где, с одной стороны, правила устанавливали играющие, с другой, они могли изменяться по ходу игры независимо от игроков. Да и как можно серьезно относиться к сидящим рядом с тобой пра-правнукам? И как им объяснить, что и они

сами, если повезет, окажутся в такой же ситуации? Остается только ждать, когда они сами дойдут до этого, раньше или позже, это не имело значения, времени будет достаточно. И тогда я немного успокоился. Игра, так игра! Выигрывать я не собирался, а попробовать можно. Так даже интереснее.

— ... с одной стороны, летный стаж у меня сто семь лет, с другой — только семь. Что одна цифра ни о чем не говорит, что другая, — начали доходить до моего сознания слова штурмана. За семь лет мы повидали такое, что, казалось бы, хватило бы на всю жизнь. И, как вы видите, наложило отпечаток на наше поведение. Каждый человек по-разному воспринимает происходящее, но, если это происходит в сплоченном коллективе, то почти одинаково. Особенно, если исход благополучный. Вот так получилось и у нас. Всего «прадедушек» на корабле семнадцать, а когда мы улетали в первый раз, было двадцать шесть. Арифметика, если она применима в данном случае, простая — минус девять. Только ушедшие оставили разный след в наших сердцах. Одного просто очень жалко, неплохой был парень, другого, извините за циничность, жалко не как человека, а как хорошего специалиста, без которого как без рук. Уход третьего — это трагедия, которую мы будем переживать до конца наших дней. Тэдди, я

понимаю, что ты хочешь сказать. Может быть, по земным меркам ты и прав, но в космосе свои законы, чем-то напоминающие первобытные. Здесь нет личности как таковой, вернее, нет возможности противопоставления личности обществу, этого основного антагонизма, движущего мировой прогресс. Нам всем, находясь на корабле, не нужно тратить энергию на такие опасные вещи, нам просто нужно научиться выживать в этих условиях, я уже не говорю, что еще и выполнить свою миссию.

Когда мы возвращались из полета, то обсуждали вопрос о том, стоит ли отдавать за такие ничтожные достижения человеческие жизни. Но наш командир, да, да, не удивляйтесь, именно он, предложил пересмотреть причины смерти наших товарищей. И, к нашему великому удивлению и сожалению, виновниками потерь были мы сами. Представляете себе, что это значит? Девять жизней мы загубили сами, по своей неопытности и непредусмотрительности.

Мы многому научились за эти семь лет. Поэтому твердо решили — ошибки не повторять ни в коем случае, по крайней мере — те, которые уже были совершены. На одном из таких рандеву мы все согласились выполнять некоторые правила. Я подчеркиваю, согласились, что значит — добровольно, а не поклялись под принуждением

чего-либо или кого-либо. Каждый из нас волен был выбирать свой путь, и он его выбрал. Поэтому и нарушение этого соглашения недопустимо. Вы были свидетелями такого нарушения, ведь одним из пунктов соглашения была железная дисциплина. Командир не мог принять другого решения, даже невзирая на то, что нарушитель — его лучший друг. Свое решение он изменил только потому, что на нашем собрании, которое, извините, прошло без вашего участия, пятнадцать человек настаивали на отмене наказания. Не подумайте, что это большинство могло оказать воздействие на командира, отменить это решение мог только он сам. И мы до конца не знали, как он поступит. Орвилл человек не только прямой, твердый, ответственный, но и справедливый. Решение свое он отменил, не боясь потерять свой авторитет, но я знаю, что вся группа будет находиться под его персональной опекой. Я хочу сказать, что с этого момента я стал уважать его не только как командира, но и человека, еще больше. Ему я могу довериться полностью, как и он — всем нам.

— Все это хорошо, сэр, но, как мне кажется, вы слишком переигрываете, — я, конечно же, не мог не высказаться. — Вы что же, считаете что мы бессловесные животные, так сказать, рабочая сила, которую надо учить, кормить, оберегать от всяких там опасностей, а в остальном не брать в расчет? И

это, по-вашему, вписывается в ваш, как вы говорите, неписанный кодекс. По-моему, извините за каламбур, но наивнее прадедушек, чем вы, я не встречал. Неужели вы считаете, что сможете управлять этим стадом таким образом?

— Мне нравится твоя откровенность, Генри, — казалось, что я коснулся больной темы для Альфреда, — но сейчас другого пути мы просто не знаем. Я могу рассказать вам много примеров, которые подтвердят нашу правоту, возможно, они убедят тебя. А если нет, то, мне кажется, что тебе будет трудно в этом полете. Эти рассказы поучительны, но очень трагичны. Поэтому я даже не знаю, стоит ли мне это делать, а вам стоит ли их слушать. Таких ситуаций может больше не повториться, по крайней мере, мы сделаем все возможное и невозможное, чтобы эти кошмары вновь не стали явью. А перегружать ваши мозги таким вещами, мне кажется, не стоило бы. Самое лучшее — это если бы вы нам просто поверили.

— Сэр, перед вами не маленькие мальчики, которые потом не будут спать ночами, — почти обиженно произнес Жан.

— Дорогие мои, вы просто не представляете себе, о чем идет речь. Иногда и мне тоже хотелось стать маленьким мальчиком и спрятаться у моего большого и сильного папы. Или чтобы мама погладила меня по голове и сказала «не бойся, ведь

мы с тобой». Взрослые, мужественные люди впадали в элементарную истерику, сталкиваясь с ледящей душу неизвестностью, и гибли тогда, когда можно было бы спастись, сохранив разум. И, только подчинившись коллективному разуму, мы сохранили себя. И тогда мы поверили в себя. Только не в себя лично, а в себя среди таких же, как мы сами.

— Сэр, а что же все-таки с вами произошло? — не удержался Тэдди и осекся, увидев выражение лица Альфреда. Очевидно, он задел больные струнки в его душе.

— Ребята, давайте не будем спешить. Я когда-нибудь расскажу вам и об этом. А сейчас неплохо было бы послушать музыку или посмотреть что-нибудь интересненькое, — Было видно, что Альфред не готов к дальнейшим разговорам о своем прошлом. — Я хотел бы немного поучиться у вас. В сущности, ведь я не более чем младенец в вашей жизни. Не знаю, как живут сейчас люди и чем живут. Что едят, наконец. О чем с девушками разговаривают на свиданиях. Мне это тоже интересно, как и вам — мои приключения. Давайте так — я вам, а вы — мне. И никому обидно не будет.

— Сэр, мне кажется, что здесь собрались не искусствоведы и не философы, а простые люди. Мы тоже многого не знаем, а, тем более, многого не

понимаем. — Попытался оправдаться за нас Тэдди.

— А я не собираюсь защищать диссертацию по вашим рассказам, мне просто интересно представить, как сложилась бы моя жизнь, если бы я остался.

— Мне кажется, что это не менее опасная штука, чем ваши рассказы об ужасах, которые могут подстергать нас в будущем, не так ли? — Предостерегающе промолвил я. — Сожаление о потерянном, пусть даже вероятном, может нарушить ваше душевное равновесие. Зачем это вам?

— Нельзя быть таким, Генри! — воскликнул Альфред. — Почему ты воспринимаешь все настолько буквально? Во всем мире, даже в черно-белом космосе, есть еще много цветов и оттенков. Если бы я жалел о чем-то, то меня сейчас бы не было с вами. Я просто хочу увидеть нашу Землю вашими глазами, а не собранием всех достопримечательностей. Музыку я могу и без вас слушать, картины и скульптуры просмотреть, но жизни я не почувствую. Я пробовал смотреть ваши фильмы, но практически ничего не понял. Я — человек из прошлого, или тебе это не понятно? Прошел целый век, изменилось все, кроме, наверное, людей. У них не выросла еще одна нога или что-нибудь еще... У меня был один знакомый, который к старикам относился как к

доисторическим животным. А ты, наверное, относишься ко мне как к инопланетянину или как к выздоровевшему душевнобольному, оказавшемуся в совершенно новом для него мире. Не переживай, меня снова поместили на мое место.

— Да нет, не просто поместили назад, а еще и подсадили новеньких, — пошутил Тэдди и мы, до этого напряженные, с облегчением и от души посмеялись.

Посмеявшись, Альфред задумался, но ненадолго.

— Ребята, а ведь это здорово! Сейчас вы меня натолкнули на прекрасную мысль. Вы знаете, что у нас много внимания уделяется психологической разгрузке. Это не блажь. Без нее ты просто устаешь, а потом не знаешь, куда себя деть. Так вот, я думаю, что было бы прекрасно, если бы вы на сон грядущий рассказывали всем о своей жизни. Это было бы интересно не только нам, ничего не знающим о вас, но и вам самим. Как вы считаете? — очередной его вопрос в очередной раз поставил меня в тупик, — Да вы не переживайте, что захотите, то и расскажете.

— Сэр, уже скоро половина десятого, — этак неназойливо перевел я разговор на другую тему.

— Да-да, хорошо. Пойдемте разгружаться, — Было видно, что Альфред опять пришел в то прекрасное настроение, которое покидало его во

время воспоминаний.

Мне стало немного жаль его. Действительно, эти люди оторваны от жизни раз и навсегда. При мысли, что со мной происходит то же самое, меня передернуло.

Психологическая разрядка на этот раз в корне отличалась от предыдущей. На этот раз нам предлагались своеобразные игры с комическим уклоном. Даже с моим характером трудно было удержаться от смеха, который усиливался общей атмосферой. Со стороны могло показаться, что все мы сошли с ума. Расходились мы с чувством, что веселее компании у нас до этого просто не было. Сон после такой разрядки был просто одно удовольствие.

Так закончился наш первый рабочий день. Спокойной ночи на новом месте!

Глава II

Оставшиеся два дня пролетели как один миг. Наступил момент прощания с Землей. Как такового прощания не было. Не было оркестров, парадов, многих тысяч букетов. Нас собрали в общем зале, где мы уже находились по прибытии на корабль. Открылся большой, во всю стену экран. Когда он включился, на нем мы увидели пульт управления полетами. Это был большой зал, заполненный в

центре всевозможной электроникой, стены представляли собой экраны с немислимыми схемами, диаграммами, бегущими строками и т. д. На одном из них виднелся и наш зал со всеми нами в придачу. Таким образом, мы могли лицезреть самих себя в сей торжественный момент. Большинство из собравшихся в зале пульта управления представляло собой довольно внушительную картину. Серьезные и представительные дяди и не менее серьезные, но симпатичные тети.

Приняв правила игры, предложенные Альфредом, я смотрел на них совсем другими глазами, чем делал бы это еще три дня назад. Не составляло труда разглядеть в этом представительном собрании просто-напросто коллектив игроков, явно получающих удовольствие от происходящего действия. Глобальные масштабы игры позволяли им ощущать свою значительность. Я представил себе, как я бы чувствовал себя на их месте, и пришлось сознаться, что это бы тоже мне очень нравилось.

Перед нами возникло лицо немолодого уже человека, смотрящего прямо в камеру, то есть, если абстрагироваться от средств связи, прямо на нас.

— Привет, ребята! Для тех, кто меня не знает, я представляюсь. Зовут меня Джон Саммерс, я руководитель вашего проекта. Сегодня нам

предстоит расстаться с вами. Перед вашим экипажем мы поставили несколько важных задач, не скрою, от их решения зависит дальнейшее развитие нашей астронавтики. Поэтому я считаю, что поработать вам предстоит немало. Уверен, что у вас все получится, тем более, что часть вашего экипажа выполнило в свое время аналогичную программу с блеском. Что я могу сказать еще? Возвращайтесь живыми и передавайте привет нашим пра-правнукам. Счастливого плавания!

Мне понравились его слова, чувствовалось, что сказано было от души. Следующий персонаж представлял собой ну очень представительного мужчину средних лет, видимо, считающему себя вправе объяснить самому Господу, в чем заключается его миссия на Земле.

— Я приветствую вас, господа! Мистер Саммерс очень сильно поскромничал в своей речи. Я попытаюсь исправить положение. Так вот, господа. Я хочу, чтобы вы прониклись всей важностью возложенной на вас миссии. Да-да, именно миссии, потому что до завершения ее на Землю не успеет возвратиться еще ни один из уже посланных кораблей. Вы уловили? Конечно, мы не будем топтаться на месте, но результаты вашего полета нужны нам как воздух. Поэтому все человечество смотрит на вас, как на самую надежду. Вы — наши герои, наше будущее. Проникнитесь

этим и оправдайте наши надежды! И помните, мы с вами, вы забрали с собой наши сердца!

По лицу этого мистера, кстати, в порыве восторженного словоизлияния забывшего даже представиться, было видно, что он очень доволен своей речью. Мне показалось, что так должен говорить представитель правительства. Я оглянулся на своих товарищей, по их лицам можно было догадаться, что творилось в душе каждого из них. И здесь я спохватился. Этот спектакль был устроен для всех, наверное, транслировался по телевидению. А я сижу и изображаю из себя неизвестно что. Этаким знаток человеческих душ. Мне стало неприятно за самого себя, вернее — неудобно. Поэтому, повернувшись к экрану, я постарался как можно более достоверно изобразить на лице воодушевление и тому подобные чувства. Лица на экране сменялись, говорились теплые, а иногда горячие слова в наш адрес. В конце концов, очередь дошла и до нашего командира. Его ответная речь была короткой и деловой. Все очень просто: оправдаем доверие, выполним все поставленные задачи и вернемся. Действительно, что же еще? Работа есть работа, какой бы сложной и ответственной она не была. По окончании его речи все встали в обоих залах, и настало время аплодисментов и прощальных взмахов руками. Экран погас.

— Экипаж, по местам, — скомандовал командир, и он был прав. К чему разводить сантименты, и так все понятно. Зал опустел, экран закрылся до следующего общего сбора на юпитерианской орбите. В общем-то, совсем ненадолго, всего на какой-то месяц с небольшим.

Мое место при старте корабля оказалось самым банальным — и своей собственной комнате. Таким оказался порядок. В штурманской находились Альфред и Жан, которому предстояло первое дежурство. Меня это устраивало, так как быть первым не очень-то хотелось. Моя смена начиналась через восемнадцать часов, вернее, два по девять. Девятичасовое дежурство не представлялось мне чем-то уж очень сложным. Сиди себе и наблюдай за экраном компьютера. Распорядок дня сохранялся, только дежурные должны были включаться в него или выходить из него в свое время. Все ясно и понятно, вопросов нет.

Согласно инструкции, я уселся в специальное кресло, чем-то напоминающее соответствующий предмет в стоматологическом кабинете, и пристегнулся эластичными ремнями. На часы я не смотрел специально, не люблю этот процесс, ожидание с часами больше похоже на пытку.

И вот процесс начался. Возникло ощущение, что все вокруг тебя резко бросилось вверх. Кресло

опустилось, и я находился сейчас на уровне пола, вжатый в него до невозможности. Тело налилось свинцовой тяжестью, кровь прилила к голове и, я особенно это почувствовал, к глазам. Пульс чувствовался во всем теле. Сколько это продолжалось, я сказать не могу, так как теперь, если бы я и захотел посмотреть на часы, то вряд ли смог бы это сделать. Начала побаливать голова. Постепенно пол стал удаляться, и кресло возвратилось в нормальное положение. И тогда я почувствовал, что тело мое потеряло вес и держусь я только благодаря ремням. Судьбу искушать я не стал и продолжал ждать. Наконец мое тело приобрело вес, можно было подниматься. Я не удержался и посмотрел на часы. До очередной психологической разгрузки оставалось еще минут пятнадцать, и я решил просто полежать в том же положении. Тело слегка постанывало, и вставать не хотелось. Этот процесс нарушил Тэдди, ввалившийся без предупреждения. На лбу у него красовалась шишка. Нетрудно было догадаться о ее происхождении.

— Лежишь, лежебока, и правильно делаешь! А я уже заработал предупреждение. Сильно видно? — он смотрел на меня с надеждой, что я ему скажу: «Что видно и где?», но пришлось его разочаровать. Такое украшение не спрячешь.

— Ты понимаешь, эта невесомость, будь она

неладна, сыграла со мной в футбол, причем моей же головой. Я подумал, что так все и останется, отстегнулся, немного полетел и, хлоп, уже на полу. — Тэдди делился своими впечатлениями и опасливо поглядывал на меня, — слушай, а тебе, случайно, не плохо? Может быть, позвать врача?

Я досадливо поморщился.

— Какой там врач! Просто лежу, отдыхаю. А ты, понимаешь ли, ворвался, шумишь, не даешь приятно провести время, — мои интонации, наверное, были слишком сердитые и Тэдди обиделся.

— Ну чего ты? А вдруг тебе и правда... — он повернулся, чтобы выйти.

— Тэд, подожди, я не хотел, — пытался оправдаться я, — сам понимаешь, не каждый день такие дела происходят. Если посидишь немного, то мы вместе пойдем на процедуры.

— Хорошо.

— Я отстегнул ремни и сел в кресло. Голова немного кружилась. Встал на ноги, прошелся по комнате. Вроде бы все нормально, только ходить стало легче. Я подпрыгнул и едва не ударился об потолок.

— Ага, и тебе хочется отметить? — не без ехидства отметил Тэдди. — да, сила тяжести изменилась, о чем я тебе и хотел рассказать, да ты полез в бутылку. Так что не делай резких

движений, а то будешь иметь что-нибудь не очень красивое и болючее.

— Начинается, не успели отчалить и уже новости, — проворчал я, — как ты думаешь, это теперь надолго?

— Не знаю, но, по-моему, да. Ничего, привыкнем. Старики же привыкли, а мы что, рыжие, что ли? Ой, извини, я не хотел, — Тэдди покраснел, взглянув на мои отливающие рыжиной волосы.

— Слушай, за пять минут ты только и делаешь, что пытаешься вывести меня из себя, — я с угрожающим видом направился к нему и попробовал провести захват. Мы немного поборолись, и я понял, что Тэдди намного сильнее меня. Что за жизнь? Этот сильнее, тот умнее, третий веселее? Не жизнь, а сплошное невезение. Слегка запыхавшиеся, мы похлопали друг друга по плечам и рассмеялись.

Так состоялось наше фактическое знакомство с Тэдом. Хороший парень, только несобранный немножко, но это не самый большой недостаток.

Слегка подпрыгивая и от этого веселясь еще больше, мы пошли разгружаться. Вообще-то жизнь не так уж и плоха, или мне это только кажется?

После ужина мы вместе с Тэдом сидели у меня в комнате и, слушая музыку, перебрасывались ничего не значащими фразами. Но, если

откровенно, то мы ждали Альфреда. Нам не терпелось услышать его рассказы. Нужно сказать, что он нас порядком заинтриговал. И вот, наши ожидания увенчались успехом. Он вошел, как всегда, в приподнятом настроении, но чувствовалось, что прибавилось еще что-то неуловимое.

— О, вы не теряете времени даром. Музыка, музыка и еще раз музыка. Как меня учил знакомый меломан, музыка познается в движении и никак иначе. Ребята, а как движутся под эту музыку, покажите мне, пожалуйста. — Альфред, как всегда, взял инициативу в свои руки.

Я беспомощно посмотрел на Тэдди, так как и танцор из меня неважный. Я никак не мог побороть скованности в таких мероприятиях. Тэдди встал и показал несколько па. Альфред повторил их. А что, получается у него неплохо. Попав в ритм, он уже не придерживался определенных правил, а просто пластично и грациозно двигался. Мы смотрели на него, раскрыв рты. Таланты нашего начальника раскрывались один за другим. Когда музыка закончилась, мы с Тэдом захлопали в ладоши. Концерт хотя и был бесплатным, но нам понравился.

— Ничего музыка, больше для тела, чем для души, но захватывает. Автора я не спрашиваю, все равно забуду. Ну, так что, птенцы мои желторотые,

осваиваетесь, как я вижу? — он с видимым удовольствием посмотрел на цветную картинку, изображенную на лбу Тэдди.

— Осваиваемся, да еще какими темпами, — отозвался Тэд, пытаясь за шуткой скрыть смущение.

— Да-а, темп вы взяли крутой, пора останавливать, — в тон ему ответил Альфред. — Жан показал себя молодцом. Кремень, а не парень. Я заходил к нему несколько раз — следит за полетом, почти как автомат. Я ему немного позавидовал, сам бы так не смог, нет — нет, да и отвлекусь. Так чем займемся, голуби мои сизокрылые? Есть предложения?

— Предложений нет, есть одна просьба... — начал я, но Альфред меня опередил:

— ...рассказать что-нибудь захватывающее. Я правильно понял?

Я кивнул, а Тэдди радостно заулыбался.

— Ну, хорошо, попробую. Но с одним условием — вы меня не перебиваете и не задаете вопросов. Идет?

— Идет, — одновременно воскликнули мы.

— Тогда слушайте. Начну я с самого начала, так будет правильнее.

Наш корабль был восьмым по счету, отправленным к звездам. Первые семь еще не

возвратились, поэтому для нас было все равно, восьмые мы, первые или двадцатые. Проводы стали уже традицией, сценарий отработан, и мы в напутствие получили то же самое, что и первые. Скажу прямо, самым большим раздражителем для нас была неизвестность. Она не только пугала, но и притягивала. Сейчас уже проще, а тогда спинной мозг выдавал разные сюрпризы. С течением времени страх становился сильнее, поскольку усталость от полета накапливалась, и притуплялись все чувства, кроме одного, вы поняли, о каком чувстве я говорю? Да, страх — чувство не из приятных. Что мы только не вытворяли, чтобы развлечься! Но, к сожалению, все быстро надоедало. Прошло уже много времени, как мы были заключены в четырех стенах.

Однажды, во время сна я услышал вой аварийной системы. От безделья мы тренировались как проклятые, поэтому экипаж был на ногах в течение двух минут. Уже когда мы прибежали на место, я увидел, что дежуривший штурман, мой непосредственный начальник, сидит в кресле без движения. Корабль продолжал свой путь, как ни в чем ни бывало, а сигнал тревоги был включен и начальник мой не спал, он умер.

Честно говоря, я растерялся. Когда немного отошел, в штурманской уже собрался весь командный состав. Командир дал мне задание

проверить память компьютера. Я проверил. Оказалось, что штурман вычислял траекторию полета по новым данным, но с восстановлением курса через некоторое время. То есть, создавалось такое впечатление, что на нашем пути должно было возникнуть некое тело, причем внушительных размеров. И штурман пытался обойти его.

Я поковырялся в компьютере и обнаружил, что таких данных в его памяти нет. А они должны были быть обязательно. Да и как их могло не быть, ведь все, что показывает нам экран, выдается компьютером. Других видимых причин также не было. Оставалось предположить, что штурману все это померещилось. Он пытался спасти корабль от катастрофы, но компьютер не принял команды на изменение курса. И тогда катастрофа произошла в мозге штурмана. Других объяснений не было.

Это был первый случай смерти на нашем корабле. Некоторое время мы не могли оправиться от удара. Пришли к выводу, что у несчастного начались галлюцинации или что-то в этом роде. Корабль не был приспособлен для хранения тел умерших. Мы его кремировали, а урну отправили за борт. Так поступали в древности моряки.

Его обязанности возложили на меня. Нашей группе стало сложнее, потому что график дежурств уплотнился. Я не один раз доказывал командиру, что постоянное дежурство не так уж необходимо,

можно оставлять окна между дежурствами по три часа, но он был неумолим. Через сутки произошло нечто подобное. Помощник командира, находясь на вахте, тоже включил аварийную систему. На этот раз у нас был очевидец. Он долго и сбивчиво рассказывал, что он видел и что предпринял.

Заступив на дежурство, он был сильно взвинчен, переживал за то, что не сможет выдержать эту вахту. Откуда у него появилась эта уверенность, он не знал. Нарушая инструкцию, помощник старался не смотреть на экран, полагаясь на случай и на бортовую систему. Но все-таки соблазн оказался слишком велик, и он бросил на него взгляд. Этого было достаточно, чтобы увидеть, что к ним быстро приближается какой-то объект, похожий на космический корабль, но сказать точно, что это был корабль, он не мог. Все, что он успел сделать, это запросить штурманскую, но связь не работала. Что оставалось делать? Изменять курс или что-то еще? И помощник не решился что-либо менять, а просто нажал клавишу аварийной сигнализации и, обхватив голову руками, спрятался под стол. В этом положении мы его и обнаружили.

Снова все бросились в штурманскую. Помощник штурмана пытался найти причину срабатывания сигнализации. На наш вопрос, видел ли он что-либо на экране, ответил отрицательно. Вид у него был не заспанный, проспавший этот момент

он не мог. Я снова пытался обнаружить в памяти компьютера, но мои предположения оправдались — чистота и порядок, полное отсутствие крупных тел на расстоянии многих миллионов километров. Это была уже загадка. Или мы поодиночке начинали сходить с ума, или попали под воздействие могущественного разума. Неизвестно, что из этих предположений истинно, и последствия какой из загадок опаснее.

К концу ночи мы устали от предположений, споров и всего прочего. Решили так. Вся эта несурязица случается ночью, поэтому ночную вахту возьмет на себя руководящий состав. Чтобы что-то решить, нужно иметь больше информации, чем мы получили от помощника командира. А пока решили отдохнуть перед новыми испытаниями.

Уже после сна я узнал, что командир приказал установить видеокамеры напротив экранов, на всякий случай, замаскировав их. Мне тогда еще подумалось, что командир начинает играть в детектив. Какая может быть маскировка, если этот некто воздействует на наш мозг или, в противоположном случае, наш мозг создает в себе все эти картины. Но я не привык обсуждать приказы. Лучше что-то делать, чем сидеть, сложа руки.

Уже в комнате командира я узнал, что его помощник все-таки немного повредился. Совсем

недавно он начал повторять одну и ту же фразу: «еще рано, возвращайтесь». Повторяет он ее постоянно, не прерываясь, сначала спокойно, даже отрешенно, а потом все ожесточеннее и ожесточеннее. Врач говорил, что на безумие не похоже, даже на его имитацию. Мы сошлись на том, что разобраться в его поведении мы сможем и позднее, после ночной вахты. А пока попросили врача дать несчастному снотворное и поместить в отдельную каюту, дверь запереть обязательно.

А сами принялись обсуждать предстоящее нам невеселое будущее. За разговорами время прошло незаметно. Пора было менять своих коллег. Я видел, что настроение у всех заметно изменилось, да и сам чувствовал, как внутри начинает холодеть. Я зашел в штурманскую и отпустил своего помощника, сел в еще теплое кресло и уставился на экран. Не очень доверяя своим нервам, я периодически повторял упражнения, позволяющие успокоиться. Все было нормально. Пока.

Часы показывали двенадцать часов по Гринвичу. Перекинув взгляд с часов на экран, я остолбенел. «Это» началось. Спокойно, сказал я себе, только не паниковать. Я попробовал вызвать командира, но бесполезно. Тогда я взял приготовленный карандаш и принялся зарисовывать этот предмет, на всякий случай. Все выглядело слишком натурально. Предмет

воспроизводился с такой четкостью, что опознать его было очень просто — это был действительно космический корабль, причем земного типа. При сверке наших курсов я увидел, что они совпадают, а направления — встречные. До столкновения оставались считанные минуты. Если сейчас не ввести корректировку курса, потом будет уже поздно. Рука уже дернулась набрать соответствующую команду, но из нее вывалился карандаш и я очнулся. Первое, что мне пришло в голову — это проверить, поступают ли сигналы о приближении объектов с периферии. Я набрал команду и с облегчением увидел, что ни один из датчиков не передает ничего необычного. Все это — чистой воды мистификация. Я встал и, несмотря на слабость, побежал к командиру. Он сидел в командирском кресле и внимательно рассматривал практически чистый экран.

— Командир, пойдем ко мне и скорее, — я надеялся, что изображение на экране еще сохранилось.

Мы побежали в штурманскую. Да, я не ошибся. Объект на экране приобрел еще более четкие формы, и компьютер выдавал на экране все его характеристики и данные о его траектории.

— Это данные седьмого звездолета, — бледнея, пробормотал командир, — надо менять курс. Что ты стоишь, идиот? — закричал он на

меня, — быстро вводи корректировку!

— Очнись, командир, это мистификация, ничего нет на самом деле, — видя, что другого пути нет, закричал я на него.

— Я тебе приказываю... быстрее выполняй, или я сделаю это сам.

Он дернулся в сторону компьютера. Что мне оставалось делать? Первая мысль была ударить командира, может быть, он очнется от этого кошмара. Но тут до меня дошло — сигнализация. Я обогнал командира и набрал команду. В ушах что-то взорвалось, я закрыл их руками и, в прыжке свалив командира, упал вместе с ним на пол.

Сирена редела, командир сидел напротив меня и непонимающе оглядывался по сторонам. Это длилось всего несколько секунд, но лицо его просветлело. Он увидел экран и на нем — практически ничего, никаких объектов, так, слегка мигающие точки бесконечно далеких звезд. Он все понял. Начали сбегаться наши коллеги. В глазах — настороженное ожидание. Выглядело это довольно комично, поэтому мы с командиром рассмеялись.

— Выключите сигнализацию, — прокричал он. Мой помощник, едва продрал глаза, бросился выполнять команду.

— Да, господа, похоже, мы с вами попали в не очень веселую историю. Кто-то не хочет, чтобы мы улетали далеко от дома, и насылает на нас всякие

пакости, — голос командира окреп, и он обвел присутствующих взглядом разбуженного зверя — удивленным и одновременно недовольным. Такой взгляд обычно не предвещал ничего хорошего. — Все экраны отключить. На дисплеи выводить только информацию об исправности оборудования. Всем, кто не на вахте — сейчас спать. Выполняйте.

Когда все вышли, он долго смотрел на меня, как будто увидел впервые.

— Спасибо, парень Ты держался молодцом. Извини, я оскорблял тебя, но это не нарочно.

— Принято, командир. Я сам от себя не ожидал, — признался я.

— Вахту достоять сможешь?

— Конечно.

— Ну, что же, в таком случае — выполняй...

Альфред окинул нас взглядом и посмотрел на часы.

— Пора, друзья мои, порядок есть порядок. Пойдем успокаиваться. А то я немного разволновался.

Мы нехотя встали. После услышанного разгрузка нужна и нам тоже. Особенно для Тэдди, которому предстояла ночная вахта.

Сегодня даже смеяться особенно не хотелось. Мысли постоянно возвращались к рассказу Альфреда. Я обратил внимание, что такое состояние было практически у всей команды.

Видимо, «старики» посвящали своих подопечных в свое нелегкое прошлое. Заснуть после всего этого оказалось нелегко, невзирая на то, что у меня был неплохой пример — Альфред погрузился в сон как младенец. Моя дневная вахта прошла на удивление легко и быстро. В штурманскую заглядывали незанятые «старики» и, хотя они старались не отвлекать, их посещения были мне приятны. Альфред появился перед самым концом, как всегда, в хорошем настроении.

— Привет, Генри, как наши дела? Не заснул? — зачастил он.

— Все в порядке, сэр, — помня его наставления, четко ответил я. — Следуем заданным курсом. Отклонений нет.

— Ну, ладно, молодец. Вижу, усваиваешь все хорошо. Иди, перекуси и разомнись. После смены это полезно. И не забывай, что распорядок не изменился.

Я сделал так, как он сказал. Пока, если не придирааться по мелочам, его указания шли мне на пользу. Когда делаешь каждый день в одно и то же время то же самое, организм привыкает и требует повторения. Так, наверное, произойдет и с мозгом. Как говорят, ко всему привыкаешь. Когда мы освободились, я пошел в свою комнату, устроился поудобнее и включил мою любимую комедию с братьями-близнецами в главных ролях.

Замечательная комедия, я многим советовал ее посмотреть. Прошло около получаса, и я начал отвлекаться. Из головы не выходил Альфред со своими тайнами. Помучавшись еще немного, я выключил экран и пошел в гости к ребятам.

Постучав и услышав громкое «войдите», я открыл дверь и вошел. Да, конечно, их обиталище значительно отличалось от моего. Ребята любили удобства и знали в них толк. Надо у них поучиться создавать уют из ничего. Жан сообразил мне кресло и предложил стакан оранжевой жидкости. Я осторожно попробовал — напоминает апельсиновый сок. Что же, годится.

— Чем займемся, уважаемые сэры? — Тэдди был похож на австралийского денди, внезапно попавшего в Лос-Анджелес.

— Ты уже рассказал Жану? — спросил я таким тоном, будто от того, какой будет ответ, зависит многое, если не все в нашей жизни.

— А ты думаешь, что я смог бы вытерпеть? — в глазах Тэдди сквозило недоумение, — если ты так подумал, то ты глубоко ошибся...

— И что ты обо всем этом думаешь? — не унимался я, зная, что все равно не успокоюсь, пока не услышу их мнение.

— Я не знаю, как вы, а мне представляется, что тот джентльмен на наших проводах, красноречие которого меня позабавило, оказался

прав. Пусть он и чересчур выставлялся, но... — Жан развел руками.

— И что из этого следует? — не удержался уже и Тэд.

— А ничего не следует. В лучшем случае мы вернемся назад через сто семь лет, как и наши уважаемые прадедушки, а в худшем — не вернемся вообще. Как я понял, наши полеты кому-то очень сильно мешают. А мы не можем не лететь. Вот и подумайте, много ли у нас вариантов?

— Жан, не горячись, мы же не знаем, какие возможности у нашего корабля. И какие перед нами поставлены задачи. Постепенно узнаем, тогда и сделаем выводы. — Я уже пошел на попятный, когда увидел, насколько разволновались мои товарищи. — Лучше дайте мне еще сока и сыграем-ка мы в покер, умеете?

— За кого ты нас принимаешь? — засуетился Тэдди, — Конечно умеем. А карты у кого-нибудь есть?

— Тэд, сколько можно тебе повторять, спрашивай у него, — показал на компьютер Жан.

Тэдди засуетился у компьютера. Жан вздохнул.

— Мне вот только не повезло, что мои дежурства приходится на свободное время Альфреда. Придется все узнавать от вас. А это уже не так интересно.

— Может быть, придумаем что-нибудь, — неуверенно протянул я, хотя наверняка это сделать не удастся. Дисциплина — вещь хорошая, но требует, как говорится, жертв.

— Есть, — обрадовано воскликнул Тэдди, протягивая нам колоду новеньких карт, — вот черти, все предусмотрели.

До разгрузки мы успели закончить. Жан играл не спеша, с толком и со знанием дела, как результат этого — выигрыш вчистую. Тэд горячился, то крупно проигрывал, жалуясь на невезение, то перебирал, снова жалуясь на судьбу. В результате — крупный проигрыш. Меня результат не интересовал, поэтому вышел по нулям. Так мы и провели вечер, как три студента, у которых перед экзаменом оставался еще один. Так уж получалось, что мы жили ожиданием очередного леденящего душу рассказа...

— Так на чем мы остановились? — спросил Альфред, удобно расположившись в кресле, — ах, да, вспомнил. Смену свою я отстоял нормально, больше ничего не происходило. Спать не хотелось, нервы были на пределе. Я пошел проведать своего коллегу. В комнате, где его разместили, была тишина. Я дернул за ручку — заперто. Тогда я двинулся в направлении каюты врача. Дойдя до двери, я взялся за ручку и попробовал открыть ее.

Тоже заперто. Я постучал. В комнате раздался шорох, затем снова тишина. Я снова постучал — никакой реакции.

В полном недоумении я пошел к командиру. У нас не было заведено, чтобы каюты запирались. В отсутствии женщин нечего было скрывать под замком. Иногда были видны полуоткрытые двери, некоторые считали, что так приятнее спать. В общем, мы впервые использовали ключ, когда заперли помощника командира. Комната командира уж вряд ли будет закрыта. Так и есть. К моему удовлетворению, командир еще не ложился. Он сидел и потягивал какой-то зеленоватый напиток.

— Не помешаю, Джек? — Я остановился у порога.

Орвилл повернул голову и уставился на меня непонимающим взглядом. Видимо, очень глубоко задумался. Наконец, взгляд его прояснился и он улыбнулся.

— Заходи, Ал. Что тебе не спится? — Он сообразил мне такой же напиток. — Садись, подумаем вместе.

— Я хотел попасть к врачу...

— И нашел его комнату запертой, не так ли? — прервал он меня. — Я думаю, что надо немного подождать. Доктор обязательно появится. Тогда мы у него все и расспросим.

— А как же твой помощник? Кто-нибудь

знает, как он себя чувствует? — не унимался я.

— Ключ у доктора. Но я думаю, что если бы что-нибудь случилось, то он сообщил бы нам, когда мы были на вахте. — Нехотя отозвался командир. — Давай лучше подумаем, что же дальше-то делать? Лететь вслепую не очень приятно, а иногда и вредно. Мы просто не выдержим в изоляции. Или ты считаешь, что сможем?

— Да нет, Джек, не сможем. И дело не только в изоляции. Мы обучены только штатным ситуациям, а если произойдет что-либо неординарное, как мы будем действовать? Одна уже случилась и какой результат? Один человек погиб, а второй, наверное, повредился немного. Что будет следующее?

— Да уж, наваждение какое-то. Кстати, ты не смотрел, что записала видеокамера?

Вопрос застал меня врасплох.

— Нет, командир, не смотрел. Если не возражаешь, я сейчас принесу...

— Так что же ты... — понеслось мне вдогонку.

Я бежал, кляня себя в душе, что оказался таким бестолковым. Вбежал в штурманскую и под недоуменным взглядом дежурного трясущимися руками стал вытаскивать кассету из камеры.

— Тебе помочь, Альфред? Поднялся с места

дежурный.

— Да нет, спасибо. Я уже управился. — Я не заметил, что вспотел.

Бегом возвратившись назад, я сунул кассету в уже приготовленный плэйер, перемотал пленку и, с замиранием сердца, включил. Таймер в углу экрана высвечивал 23.59. Меньше минуты. Сейчас мы увидим, что же происходило на самом деле. Полночь. 00.00, затем 00.01 и т. д. Время шло, но на экране ничего не появлялось. Мы ошеломленно переглянулись. Действительно, происходят чудеса. Я включил ускоренное воспроизведение, и мы подождали, когда таймер показал 00.30. Тогда уже все закончилось. В воздухе запахло нехорошим.

— Джек, но ведь говорят, что массовых галлюцинаций не бывает. Что же происходит?

— Я не знаю, что происходит, понимаешь, не знаю! — Орвилл вскочил и нервно зашагал по комнате. — Я знаю одно, что с этим надо разобраться и точка. Иначе мы все по очереди сойдем с ума. Нам нужно знать, что увидел на экране мой помощник. Идем к доктору.

Дверь в комнату врача не открывалась. Орвилл громко постучал. Никакой реакции. Он постучал сильнее, потом ногами. Чувствовалось, что нервы у него на пределе.

— Доктор, откройте сейчас же! Это я — Джек Орвилл, ваш командир. Что у вас происходит? —

Голос командира сорвался на крик.

Послышалось шарканье ног, дверь отворилась. В просвет выглянул наш доктор, вернее, его жалкое подобие. Во-первых, волосы его были полностью седыми, во-вторых, они были включены и глаза неестественно красными.

— Это действительно вы, Джек? — голос его был надтреснутым. Он всегда и всех называл только на «вы». Джек только и нашелся, что кивнул. — Тогда заходите.

— Что произошло, док?

— Произошло или происходит? — на вопрос командира он ответил не менее сакраментальным вопросом. Это немного успокоило нас и мы присели.

— Я имею в виду, что произошло лично с вами, — нетерпение Орвилла возрастало. Доктор встал и, передвигая дрожащими пальцами предметы на своем столе, начал свой рассказ, от которого, не знаю, как у Орвилла, а у меня волосы становились дыбом.

— После того, как я дал успокоительное вашему помощнику, прошли почти сутки. Я заходил к нему несколько раз за день. Никаких изменений. Он отключился полностью. В последний раз я зашел к нему после двенадцати часов. — Доктор остановился, потеревил свою шевелюру. — Да, была одна минута первого на

моих часах. Я остановился у его дверей, достал ключ и тут услышал, что он разговаривает. Я прислушался. Голос был только один, значит, он разговаривает сам с собой. Лекарства у меня были под рукой, поэтому я вставил ключ, открыл дверь и вошел. Закрывая дверь, я повернулся к кровати спиной, а когда развернулся — оцепенел. На кровати сидело два человека. Даже, если быть точнее, один человек и один призрак. Не думайте, что я сошел с ума! Это был действительно призрак. Он находился ко мне ближе, чем Джон. Сквозь него были видны контуры тела Джона.

Когда призрак повернул голову, мне стало еще хуже. Я узнал нашего штурмана, ой, извините, бывшего штурмана. Он повернулся опять к Джону, тот посмотрел на призрака так, если бы слушал его. Потом встал и молча пошел на меня. На лице его было странное выражение, я не могу его описать, или, можно сказать, никакого выражения не было. Мне показалось, что он сейчас со мной что-то сделает. И я струсил. Даже не пытаюсь что-либо предпринять, я скользнул за дверь и запер ее. Как мне это удалось, я не знаю. Добежав до своей каюты, я заскочил в нее, запер дверь и подбежал к селектору, пытаюсь дозвониться до вас, командир. Но, увы, связь не работала. Я уже двинулся в направлении двери, когда увидел, что сквозь нее просачивается нечто. Сначала облако, потом стали

формироваться контуры тела Айзека, нашего бывшего штурмана. Свои ощущения я передать не могу, это был ужас в эн-ной степени. Я никогда, понимаете, никогда не верил в эти сказки, поэтому не был готов к такому повороту событий. Не знаю, как это все называть... В общем, призрак Айзека отплыл в сторону и сквозь дверь просочился призрак Джона. Это меня потрясло еще больше. Можно было предположить, что призрак Айзека — это его душа, но Джон был еще жив, когда я его видел. Я пятился, пока не почувствовал, что уперся в кровать. В темноте светились два призрака, правда, Джон светился совсем тускло. — Доктор остановился, переводя дух, сел и умоляюще посмотрел на нас. — Только прошу вас, не считайте меня сумасшедшим.

— Продолжайте, док, все в порядке. — Успокоил его Джек.

— Я почувствовал, что с моим мозгом происходят странные вещи. Я переставал его контролировать. Ноги сами понесли меня к двери. Призраки отодвинулись в сторону. Я открыл дверь. За ней стоял живой Джон, только в глазах его была пустота. Он протянул ко мне руки. Я хотел закричать, но не смог и потерял сознание. Очнулся я в темноте возле двери. Она была приоткрыта. Насколько мог, я быстро закрыл ее и включил свет. Через некоторое время кто-то постучал. Я не стал

открывать, ждал, пока человек не назовется. Он не назвался, а постучал еще раз. Я хотел было уже встать, но послышались удаляющиеся шаги и я остался в постели. Ну, а потом пришли вы. Больше мне нечего рассказывать. — Доктор вздохнул.

Вздохнули и мы. Мне подумалось, что у нас было все, не хватало только мистики.

— Док, дайте нам ключ от каюты Джона, — Очевидно, Орвилл принял решение.

— У меня его нет, сэр, — вздохнул доктор, — был, а сейчас нет. Может быть, Джон забрал? Больше было некому.

— Альфред, у кого ключи от всех кают? — командир начинал выходить из себя.

— Джек, откуда мне это знать? Об этом знали трое — ты, Айзек и тот тип, что передавал вам корабль. Никому и в голову не могло придти искать дополнительные ключи. Кому они нужны, если все двери открыты?

— Да, действительно, так значит, Айзек знал о ключах. И, если все это правда... Извините, доктор, я не имею в виду ваш рассказ. Я больше стараюсь себя убедить, что это не дурной сон. — Сконфуженно извинился командир.

— Значит так. Имея ключи, они могут пробраться в любую каюту, а мы в их каюты — не сможем. Переборки слишком прочны, чтобы мы могли их сломать. Придется ждать ночи и

устанавливать засаду. Выйдут же они, в конце концов. Пойдем, Ал, надо набросать план. А вы, док, не переживайте, днем они не объявятся. И, знаете, когда будете приводить себя в порядок, не пугайтесь, ладно?

— Ну что, мальчиши-малыши, вы уже совсем разомлели? — Альфред устало улыбнулся. — Каждый раз, когда я все это вспоминаю, начинаю волноваться. Ну, пошли, не будем режим нарушать.

Глава III

Время — штука хитрая. Узнать, какое оно будет через мгновение невозможно. Если пытаешься сам управлять своим временем, оно поначалу вырывается, скользит, уходит, или, точнее уводит тебя в сторону. Подчиняя время, человек на самом деле подчиняет себя, ну, если не времени, то, по крайней мере, какому-то распорядку. И тогда возникает ощущение, что время тебе подчинилось, а возникает оно по одной простой причине — ты сам успеваешь сделать сегодня за то же самое время больше, чем вчера. Но это совсем не значит, что чем больше ты успел, тем больше ты прожил. Жизнь по расписанию пролетает быстрее и, не успев оглянуться, ты видишь, что жизнь прожита и не всегда особенно важно, что и сколько ты успел сделать. Для тебя главное — конечный результат,

то есть отсутствие этого самого времени. Очередной парадокс, но обитатели нашего корабля почувствовали на себе влияние этого самого расписания. Дни пролетали один за другим. Нельзя сказать, что мы выполнили очень тяжелую работу или, наоборот, волюнили. Нет. Все было рассчитано. Правда, потом, наверное, нечего будет вспомнить об этих днях, кроме откровений Альфреда, но это не особенно важно. Главное было впереди и, судя по всему, мы шли к нему в прекрасной форме.

Очередной рассказ Альфреда оказался последним, так как события развивались очень бурно. Он начал с места в карьер:

— Командир пришел на командный пункт и, к неудовольствию дежурного, сам оповестил всех на срочный сбор, причем в командирском отсеке.

Постепенно люди заполнили помещение. Для двадцати с лишним человек оно было маловато, но командир не думал об удобствах. Он окинул всех собравшихся взглядом и спросил:

— Все собрались?

Я опросил всех начальников служб и доложил:

— За исключением дежурных и вашего помощника все. Для дежурных включена оперативная связь.

— Принято. Не будем тянуть время. Я собрал

вас здесь неспроста. На корабле объявляется чрезвычайное положение. Предположительная причина — вмешательство в наш полет внешних сил. Так как мы не знаем их возможностей, придется узнавать их по ходу событий. Судя по тому, что мы уже знаем, их задача — повернуть наш корабль назад. Очевидно, мы вторгаемся в зону их влияния. Но это только гипотеза. Если у кого-то появляются соображения другого плана, прошу немедленно ко мне. Кроме того, если вы замечаете что-то необычное, во-первых, не пугайтесь, во-вторых, сразу сообщайте мне, где и когда бы это не произошло. Как вы уже заметили, все неприятности начинаются с полуночи. Поэтому мой приказ — всем закрывать дверь в свое помещение. Судя по всему, мой помощник Джон попал под их влияние. Поэтому его в любом случае необходимо изолировать. Но не пытайтесь делать это в одиночку. У каждого из вас есть диктофоны. С двенадцати ночи держите их под рукой. Все происшедшее записывайте. И не стесняйтесь сообщать нам свои чувства, даже если вам они покажутся постыдными. Сейчас важно все, вы понимаете. Если вы почувствовали недомогание — сразу к врачу. — При этих словах многие непроизвольно стали искать глазами доктора. И вдруг раздался сдавленный крик, а затем общий ропот. Люди увидели, что стало с доктором и у

каждого, наверное, возникло особое чувство по этому поводу. — Я повторяю, никакого промедления, — командир был вынужден повысить голос. — Все меня поняли? Вперед.

Люди расходились растерянные, некоторые были даже испуганы.

Командир оставил у себя нескольких человек. Среди них был и я.

— Ребята, сейчас не до церемоний. Кто сильно боится, скажите сразу. То, что мы будем делать, не очень приятно и, в некоторых аспектах, аморально. Но для меня сейчас самое главное — спасти людей. У меня была гипотеза, что кто-то хотел нам показать, что корабль под номером семь возвращается, по каким причинам — неизвестно. Непонятен был способ передачи информации, но можно было допустить, что это так. Но события с нашим доктором опровергли ее напрочь. Я понимаю так — нам объявлена война и способ ее ведения, по нашим понятиям, бесчестный. Военные действия мы будем вести сами с собой, убивать друг друга и, возможно, самих себя...

— Командир, если дело обстоит именно так, то не лучше ли повернуть назад?

— А если это просто непредвиденная случайность? В любом случае, наши действия должны быть четкими и организованными. Теперь о ближайших планах. Нам необходимо установить

дежурство у палаты, где сейчас находится Джон. У него находятся ключи от всех кают, опасность от этого вы себе представляете. Короче говоря, нам нужно его обезвредить. Годятся все способы, кроме убийства. Чтобы вы были в курсе, Джону помогает, я бы сказал, энергетический двойник бывшего штурмана. — Он оглядел побледневшие лица, — доктор говорит, что ему лично он вреда не причинил. У Джона может быть и такая особенность, его тоже может сопровождать двойник, только его собственный.

— Командир, вы сами-то верите в то, что говорите? Мистика какая-то. Может быть, доктор немного сбрендил, вам так не кажется? А мы по его сказкам наломаем дров, — по-видимому, с надеждой спросил кибернетик.

— Я еще раз повторяю, сейчас мы не будем обсуждать тему: верю — не верю, — начал заводиться командир, — чрезвычайное положение объявлено и будет отменено только в случае нормализации обстановки. Если все окажется проще, то мы потом посмеемся над моими приказами. А пока — наступило время действовать. Итак, самоотводы есть? Нет. Прошу приступить к выполнению, — он каждому раздал карточку с его действиями на ближайшую ночь. — Не забывайте о спецсвязи. Общая связь может отключиться в любое время. Вопросы? Нет вопросов. Вперед.

Что такое кошмары, я узнал только в этом полете. Все остальное, включая фильмы ужасов — это все детский лепет. За весь день не произошло ничего примечательно. Мне удалось поспать пару часов, заставил командир, сам бы так и не нашел времени. Самое что обидное, что позже я пытался вспомнить, чем же я был занят и — бесполезно, все стерлось, сплошная суета. Тогда же казалось, что занимались сверхважными делами.

Заступил я на вахту в половину двенадцатого. Компьютер работал в режиме проверки работоспособности, поэтому мне пришлось искать себе занятие. Согласно приказу двери я закрыл и подставил под нее стол. Стол был увесистый и я с большим трудом сдвинул его с места. Теперь, чтобы открыть дверь, нужно здорово попотеть. Да и я буду сопротивляться. Через каждые десять минут мы связывались с командиром по спецсвязи, это немножко успокаивало. Я сидел в кресле и рассматривал репродукции картин, когда позвонил Орвилл.

— Альфред, у тебя никакого предчувствия нет?

— Нет, командир. Пока все спокойно и я почти спокоен. За дальнейшее не знаю, но сейчас порядок, — успокаивал я командира.

— А у меня в душе творится, бог знает, что. Такое впечатление, что я начинаю себя казнить за

то, что подвергаю экипаж опасности. И ты знаешь, я, наверное, не точно выразился. У меня появилась уверенность, что я обрек всех на гибель. Понимаешь разницу? Получается, что уже поздно что-либо менять. Своим решением я всех погубил. Может быть, меня уже начали обрабатывать, Альфред? Слушай, пока не поздно, заблокируй мой компьютер со своего, вдруг я не удержусь, ведь все может случиться.

— О'кей, командир, одну минутку... Готово. Джек, ты не переживай, в случае чего дальше Земли мы не улетим, даже если ты сможешь изменить курс. Так что не бери плохого в голову, — я сам удивился уверенности своего голоса.

Орвилл знал, что я вру, но смолчал. Однажды сбившись с курса, вероятность попасть на него, если не было предварительных расчетов и установок, оказывалась настолько мизерной, что даже надеяться не приходилось.

— Ладно, звони через десять минут, — Орвилл отключился.

Я вздохнул с облегчением. Не люблю никого уговаривать, но еще больше не люблю, когда меня начинают утешать. Мне всегда нравился наш командир. За ним я был как за каменной стеной. Всегда была уверенность, что если что-то не получается, он отдаст приказ и все получится. А теперь, когда я столкнулся с ним поближе,

оказалось, что непросто ему даются эти приказы. Он, наверное, переживает больше нас, вместе взятых. Я представил, каково ему будет, если еще кто-то будет на него воздействовать. И сразу почувствовал беспокойство. И тут до меня дошло. Какие мы были кретины. Так вот в чем наша слабость. Я схватил трубку спецсвязи и набрал код командира. Он долго не отвечал. Потом отозвался.

— Джек, это Альфред. Послушай, есть идея... — начал было я говорить, но Орвилл не дал мне закончить.

— Ал, ты даже не представляешь, как я перед вами виноват. Мне нет оправданий. Таких, как я, нужно живьем выбрасывать за борт. Возомнил себя всемогущим...

— Командир, возьми себя в руки, они специально... — продолжать не было смысла, он отключился. Что же мне было делать? Разбирать свою баррикаду и попробовать пробиться к нему? Я взглянул на таймер. Уже пятнадцать минут первого. То есть, они должны были начать атаку и начали ее с Орвилла. Хорошо, что его компьютер заблокирован. Я замер, мне показалось, что в замке повернулся ключ. Повернувшись к двери, я начал различать едва заметное облачко, немного искрящееся, что ли, на полотне двери. Пока оно не оформилось, я бросился к компьютеру и закодировал файл блокировки всей компьютерной

сети. Если это Джон, пусть ищет код, даже если он убьет меня, все равно ничего у него не получится.

Я с удовлетворением посмотрел на свою работу и обернулся. Волосы мои стали дыбом. Стол двигался сам, причем остановился на своем старом месте. Дверь открылась. В проеме стоял Джон, вернее, его тело. Из множества ран сочилось что-то черное, явно не человеческая кровь. Зато руки его были в ярко-красной человеческой крови. И я все понял. Его пытались задержать, но не смогли, он их просто убил.

Джон двинулся к компьютеру, его движения были как у лунатика, глаза смотрели прямо. Я уступил ему место, он на меня не обратил никакого внимания. Став в стороне, я наблюдал, как он пытается найти программу разблокирования и не может найти. Время шло, а у него ничего не получалось. Оставалось около часа до конца моей смены. Джон продолжал работать. Движения его замедлились. А затем вообще остановились. И снова — то же самое облачко отделилось от него и сформировалось в его двойника. Двойник подлетел ко мне и остановился, уставившись мерцающими глазами на меня. Я стоял как парализованный. Через несколько секунд оно выплыло в дверь. Я судорожно вздохнул и подошел к компьютеру. Прекрасно, у него ничего не получилось.

Но выходить из штурманской я не рискнул. Я

должен был видеть, что же будет происходить. Пока Джона, то есть его двойника, не было здесь, я быстро наговорил на диктофон все происшедшее и попытался позвонить командиру. Бесполезно. Тогда я набрал код службы движения и обрисовал им ситуацию. Выходить запретил.

В это время в дверях показался двойник Айзека. У меня тоскливо сжалось сердце. Айзек был не только моим начальником, но и большим другом. Он подлетел ко мне, я почувствовал, что доктор был прав, описывая свои ощущения. Мой мозг зондировался, причем очень интенсивно. Меня начало мутить, затем прошиб пот. Все, я почувствовал, что отключаюсь и с облегчением подумал, что мои мучения закончились.

Очнулся я нескоро, причем в своей постели. Долго пытался вспомнить, что же произошло. Слабость приковала меня к моему ложу. Память возвращалась медленно, какими-то обрывками. Я долго пролежал один и, когда ко мне зашел доктор, мне сразу стало легче.

— Как мы себя чувствуем? — бодро спросил он. — Лежите, лежите, вам еще рано подниматься.

Он разговаривал со мной как с ребенком. И тогда я все вспомнил. Голова сильно закружилась. Я снова стал терять сознание. По всей видимости, доктор сделал мне укол, и я стал возвращаться.

— Ну-ну, все будет хорошо, — все тем же

тоном где-то далеко раздавался его голос. — Все будет очень хорошо.

Начали проступать контуры его лица. Как же он состарился! Наверное, я тоже выгляжу не лучше.

— Позовите командира, док, — прошептал я.

— Командира? Пожалуйста. Будет вам командир. Все будет, только не волнуйтесь.

— Док, это очень срочно, где командир?

— Спокойнее, Альфред, командир сейчас придет. Он постоянно интересовался вашим самочувствием. Он недавно ушел. Жив-здоров ваш дражайший командир, никуда он не делся. Но у него тоже есть свои обязанности, правда? Скоро он будет здесь. А вы пока отдохните. И не волнуйтесь, вам сейчас нельзя волноваться. Считайте, что это приказ! — доктор сделал строгий вид. — Вы же не можете не подчиниться приказу, не так ли?

Я готов был рвать и метать, но пробиться сквозь окутывавший меня туман становилось все труднее и, в конце концов, я погрузился в сон.

Проснулся я оттого, что кто-то рядом говорил громким шепотом.

— Док, вы уверены, что он не потеряет память? Вы сможете ему помочь? Да что сможете, вы должны это сделать! Это нельзя не сделать, вы понимаете или нет?

— Командир, да имейте же совесть. Уже больше недели вы меня терроризируете! Да все с

ним будет в порядке. Сейчас он спит. Проснется, сами увидите...

Я повернул голову на голоса.

— Джек, это ты? — я сам еле различал свой шепот.

— Альфред, дорогой! — завопил командир и бросился ко мне. — Молодец, ты просто молодец, что выжил. Какой ты молодец, — повторял он и по его лицу бежали слезы. Я впервые видел его таким.

— Командир, что за безобразие, вы же обещали! — возмущение доктора было неподдельным. — Перестаньте кричать или я вас выпровожу вон.

— Ничего, док. Все нормально, — прошептал я, — пусть кричит, мне от этого крика только лучше.

— Не имеет значения! Командир, я попрошу вас зайти позднее, — тон доктора не вызывал никаких сомнений, что командиру придется ретироваться.

— Ладно, Ал, я вижу, что придется подчиниться, здесь он начальник. Но я скоро приду. Нам есть о чем поговорить.

Постепенно я поправился, понемногу мне выдавали правду обо всем происшедшем. А правда состояла в том, что мы возвращались. Как это ни прискорбно, но так оно и было. Та ночь оказалась решающей в нашей битве с неизвестным врагом. Я

слышал эту историю от разных людей и, наверное, правильно осознал от начала до конца.

Тот план, который составил командир, не учитывал одного, того что Джон был уже не человеком, а что-то типа зомби. Мне это не трудно представить, так как я видел его своими глазами. Так вот, ребята, которые пытались его нейтрализовать, погибли. Джон не только обладал чудовищной силой, но и у него полностью отсутствовали какие-либо чувства. Рассказывали, что на останки моих коллег невозможно было смотреть. Семеро прекрасных людей пали от руки этого чудовища. Конечно, самого Джона обвинять в содеянном не имеет смысла, но тот, кто сделал его таким, действительно чудовище.

Так вот, когда Джон добрался до меня, командира на месте не было, он находился внизу, на складе. Он искал емкость с жидким газом, все равно каким, лишь бы он давал очень низкую температуру. Когда он вернулся и вбежал в штурманскую, Джон уже ввел программу на возвращение. Что-либо изменить было уже нельзя, поэтому командир решил просто уничтожить этого демона. Я думаю, что не стоит рассказывать в подробностях, как это произошло.

Оказалось, что двойник Айзека все-таки выудил из моего мозга нужный ему код, передал его Джону и тот возвратил нас назад, заблокировав,

в свою очередь, программу так, что разблокировать ее нам не удалось.

По прибытии нами занималась не одна комиссия. Так называемый «черный» ящик, извлеченный правительственной комиссией, подтвердил правильность наших показаний, поэтому экипаж не был дисквалифицирован. Мы сами вызвались в повторный полет. Кто же лучше, чем мы, сможет противостоять этой неведомой силе? А наш капитан с тех пор стал намного строже, но, если вы к нему приглядитесь, то увидите, что эта строгость направлена больше на него самого, чем на экипаж.

— Сэр, а вы уверены, что на этот раз получится? — спросил Тэдди, видимо, сильно его поколебало то обстоятельство, что придется опять столкнуться с неизвестностью.

— Тэдди, как в старину говорили, мы не гарантийная мастерская. Но не переживай. Наши ученые хорошо поработали. И летим мы сейчас не воевать, а устанавливать контакт. Получится он или нет — не знаю. А вот то, что теперь не должно быть напрасных жертв, я уверен на все сто. Ну, хорошо, вы переваривайте то, что я вам наговорил, а на вопросы отвечу потом. О'кей? Тогда по коням, как говорили мои древние предки.

Вот на этом и закончился рассказ Альфреда. Честно говоря, я ожидал чего-то более

грандиозного, но эта история поразила меня своим драматизмом. Сколько пришлось пережить этим людям за такой короткий срок! В моей голове не укладывалось, какое мужество нужно иметь, чтобы действовать в такой обстановке с более или менее твердым рассудком. И потом, пережив подобное, снова окунуться в неизвестность. Отдавая дань их достоинствам, я все же чувствовал, что во всей этой истории есть что-то неуловимое, ускользающее от внимания, но оставляющее неудовлетворение.

Допустим, что эти могущественные силы существуют на самом деле. Но в чем смысл их действий? Изоляция землян? Какой в этом смысл? У нас нет возможностей вести масштабные захватнические войны. Насколько мне было известно, для того, чтобы снаряжать экспедиции, подобные нашей, все человечество напрягалось до предела. Реальная стоимость же этих проектов никому, наверное, не известна, так как средства, затраченные на них, могли бы использоваться на Земле со значительно более высоким конечным выходом. Во многих странах люди перебиваются с хлеба на воду, многие голодают, особенно страдают дети и старики. Казалось бы, зачем тебе космос, покорми людей, а они, в свою очередь, отработают этот хлеб с лихвой. Что еще нужно?

Сейчас мне начинает казаться, что я нашел ответ. Это, конечно, предположение, но с каждой

минутой я убеждался все больше и больше в своей правоте. При изучении истории мне казалось, что людьми движет жажда наживы. Это проходило красной нитью сквозь сменяющиеся эпохи. Деньги, деньги и еще раз деньги. Им сопутствовала власть. Иногда одно поддерживало другое. Но власть штука переменчивая, тем более, когда кончались деньги или власть имущие перегибали палку. Как и в любом деле, добившись чего-то, становишься рабом своих собственных мечтаний. И тогда начинаешь лелеять свое детище, в крайних случаях не считаясь ни с чем. Страх за возможность потерять достигнутое превращается в манию, которая порождает преступления, а последние разносят эту заразу среди других людей, усиливая и заражая собой все вокруг. Страх становится эпидемией, угасая в одном месте и возгораясь в другом. Излечиться от этой болезни в одиночку нельзя, даже если стать отшельником. У человека цивилизованного, привыкшего бояться по большей части коллективно, страх, как один из инстинктов, проявится в другой форме, но не умрет. У каждого человека страх находит слабые струнки и играет на них, иногда вызывая резонанс и выводя человека из рамок, общепринятых в обществе. И тогда общество изолирует этих несчастных, оставляя им либо умирать от страха, либо подавляя его лекарствами.

У меня голова пошла кругом от этого предчувствия. Я не утверждаю, что это истина в последней инстанции, но все ложилось в моем сознании на свои полки. По складу своего характера я поверхностно изучал философию, поэтому не помнил, развивал ли эту тему кто-то из великих философов. По крайней мере, тогда я внимания на это не обратил. Заниматься раскопками в философских развалинах желания пока тоже не было. Это открытие позволило построить свою собственную жизненную систему, позволяя как бы сквозь увеличительное стекло рассматривать те или иные факты, поступки людей и их мотивы.

Попытаемся разобраться в том, какую роль сыграл этот фактор в истории Альфреда. Люди, попавшие в межзвездную экспедицию, подбирались тщательно. Как я слышал, на первых этапах космоплавания претендентов подвергали многочисленным испытаниям. Во-первых, при существующих тогда условиях, преобладали физические кондиции. Затем уже психологические, моральные и где-то к концу списка — профессиональные. Главным считалось, что человек должен выполнить поставленную задачу, большего от него не требовалось. Много внимания уделялось совместимости, способности подчиняться и т. д.

Постепенно система изменилась. Так называемых «потенциальных» претендентов отслеживали в течение определенного промежутка времени, когда они попадали в поле зрения определенных кругов. Снижающиеся перегрузки и изобретение искусственной гравитации позволили снизить требования к физическим данным, поэтому круг «потенциальных» значительно расширился. Многие сами не знали, что им оказана «высокая честь». Для наиболее подходящих создавались условия, когда они приходили к выводу, что космос — это их призвание, причем приходили сами, якобы без посторонней подсказки. Попадая в космос, они считают его своим новым домом, и это упрощает задачу всем, включая их самих.

Но сто лет назад такого не было. Набор осуществлялся из желающих путем тщательного отбора. Вполне возможно, что и в экипаже «восьмерки» были люди, оказавшиеся в космосе «случайными». От них и могла пойти волна неосознанного страха, заразившая остальных. Альфред подчеркивал, что на корабле атмосфера создалась довольно комфортная. Это факт. От него и попробуем оттолкнуться. Чего могли бояться эти «случайные» люди? Неизвестности? Безусловно, но мне представлялось, что к такому страху можно привыкнуть. У человека есть такая особенность — когда неприятное событие

произойдет не скоро, он способен свой страх спрятать где-то в глубине своего сознания, отсрочив тем самым свой приговор. Текучка, постоянная занятость позволяют не вспоминать о страхе, постепенно человек привыкает к нему.

Тогда что же? У меня складывалось впечатление, что эти самые «внешние силы» воздействовали на этих людей каким-то особым образом. Я представил себе, как бы действовал я сам на месте, грубо говоря, инопланетян. Имея под рукой неисчерпаемые возможности, я бы попытался сначала испугать смельчаков, естественно, не раскрывая себя, скажем, каким-либо полем. Предположим, они сдрейфили и вернулись. Если нет, то нужно испугать их угрозой их жизни. Не показав, скажем, страшную рожу или большой кулак. Нет, просто поставить на их пути препятствие. Опять не вышло. Хорошо, подольем масла в огонь. Покажем, что их товарищи испугались и возвращаются. Так сказать пример из жизни. Последствия есть? Единичные. Это плохо. Убивать не в моих, конечно, правилах. Я большой гуманист. Что бы еще придумать? Цивилизованными способами не получается. Тогда попробуем воздействовать на подсознание. Если раньше полночь для начала операций была выбрана только из-за того, что на вахте не было лишних людей, то теперь используем этот факт в другом

направлении. Вызовем у них суеверный страх, ведь по их преданиям, все нечистые силы начинают действовать именно в полночь. Урну с прахом они выбросили. А я восстановил образ этого несчастного, не выдержавшего волны ужаса. Есть еще одна жертва? Как, она все равно умрет? Чудесно, воспользуемся этим. Устроим спектакль, потом посмотрим на результат. Ага, и это не проходит? Крепкие ребята. Ну что же, вы сами этого хотели. Но показывать свое лицо не хочется. Придется снова воспользоваться двойниками. Повернуть все равно придется. Но какая сила у этих людей! Предыдущие экспедиции не выдерживали и цивилизованных методов, уходили с орбиты и никогда уже не вернутся.

Я содрогнулся от этой мысли. Так войти в роль, или это что-то большее? Я начинал бояться своих собственных мыслей.

Но они настигали меня везде, где бы я не находился и что бы я не делал. Я старался не оставаться один, за последнее время перезнакомился со всем экипажем, но ничего не помогало. Вот таким образом я приобрел навязчивую идею. И тогда я решил не держать ее в себе, а поделиться с Альфредом. В последнее время мы редко оставались в комнате вдвоем, наверное, больше из-за моих участвовавших побегов от себя. Да и Альфред появлялся ближе к вечеру. Однажды

я все-таки не выдержал и завел разговор на эту тему. Мы с Альфредом давно уже перешли на «ты», только в присутствии «чужих» я официально «выкал» и называл его почтительным «сэр».

— Альфред, я давно хотел тебя спросить, — начал я уверенно, втайне надеясь, что далеко мы не зайдем, — какие выводы сделала правительственная комиссия по вашему полету?

— Так, значит, и ты созрел, — недовольно буркнул он. — А я уже думал, что у нас появился человек, который поймет все сам и таких вопросов задавать не будет. Ну да ладно, скажу, что могу, не все можно говорить, сам понимаешь. Да и мне, естественно, не все известно. Слушай, мой друг, только с выводами не спеши.

Есть вещи, которые для государства являются главными, тогда как для отдельного человека значат мало, и наоборот. В смысле выполнения задания члены этой комиссии в своих мнениях разошлись. Одни высказывались за то, что программа не выполнена, хотя даже они не ставили это нам в вину. Другие считали, что мы достигли ценой человеческих жизней пусть не того результата, что от нас ожидался, но аналогичного ему. То есть, мы вышли на рубеж контакта с другой цивилизацией. Согласись, это ведь тоже результат. В принципе и те и другие были правы. Я, например, не совсем понимаю, что значит «выйти на рубеж».

Почему бы не сказать прямо — столкнулись с непреодолимой пока преградой. Коротко и ясно. Я не политик, поэтому не знаю, какие последствия были бы от принятия правильным первого мнения, но председатель комиссии внес в протокол свое «особое» мнение и победили вторые. Что это за «особое» мнение, нам никто не сообщил. По крайней мере, нам предложили совершить еще один полет и никто из нас не отказался. Тебя устраивает такой ответ?

— Альфред, я не то имел в виду. Официальная часть меня не интересует. Что они сказали о природе происшедшего? Какие-нибудь гипотезы, предположения? — не унимался я.

— Куда тебя заносит! Ты представляешь себе, что такое научные споры? Нет? Я тоже себе этого не представлял. Это когда простой смертный сидит между двумя узкими специалистами и вертит головой, пытаюсь уследить, кто же из них говорит. О смысле спора уже нет речи. Наша экспедиция и направлена снова только для того, чтобы набрать как можно больше материала для умных голов. У нас нет цели ни в одном из созвездий. Наша цель — это наши «обидчики». Теперь понял, будь ты неладен? Почему я тебе это рассказываю, не знаю. Я этим нарушил инструкцию и, наверное, скоро пожалею об этом. Но я чувствую, что ты что-то надумал, давай выкладывай теперь ты!

— Извини, Альфред, последний вопрос и я все тебе доложу. Скажи, та инструкция направлена на то, чтобы сохранилась естественность? — я уже понял, что это так, но хотелось услышать подтверждение.

— Ты уже сам догадался. Давай, не увиливай, — Альфред уселся напротив меня и по его взгляду я понял, что деваться мне некуда.

Ну что же, как говорится, ты сам этого хотел. И я по порядку изложил свои «умозаключения». Альфред был потрясен. Не испуган, а именно потрясен. Я уже закончил, а он продолжал смотреть в одну и ту же точку у меня над головой. Я не удержался и посмотрел туда же. Ничего там не было, как и следовало ожидать. Значит, мысли его были далеко. Ничего, подумал я, подожду. Сидеть и смотреть на Альфреда было как-то не очень удобно, и я потянулся за книгой, но был неловок и упустил ее. Звук упавшей книги заставил Альфреда очнуться. Задумчиво посмотрев на меня, он медленно произнес:

— Пошли к командиру.

Я ожидал этого. Но на всякий случай спросил:

— Зачем?

— И ты еще спрашиваешь? Пойдем, там узнаешь, если еще не догадался, — его тон не предвещал мне ничего хорошего.

Все, подумал я. Снимут меня с корабля с

позором, а со мной, за компанию, и Альфреда. Допрыгался со своей фантазией. Сколько раз говорил себе, не высовывайся. Но, честно говоря, я не ожидал от Альфреда такого предательства. Господи, о чем я говорю. Какого предательства, если его обязанность — следить за своими подчиненными. Да и, в конце концов, по большому счету, он предал бы своих товарищей, если бы стал покрывать меня. «Суши сухари», — думал я, следуя за Альфредом, и мне почему-то захотелось скрестить руки за спиной и пойти впереди Альфреда.

Альфред остановился у двери в каюту командира. Потоптался в нерешительности, но затем постучал. Дверь открыл сам командир.

— Ты чего, Ал? Я думал, что это кто-то из молодых. Что случилось, на тебе лица нет, — и тут он увидел меня и подобрался. — Войдите.

Мы расположились в его комнате. Я, несмотря на волнение, с любопытством оглядывался. Да и было на что посмотреть. В отличие от Альфреда, жившего вместе со мной и, можно сказать, ведущего почти спартанский образ жизни, командиру не было чуждо и человеческое. Особенно красивыми были картины. Но, увы, наслаждаться этой красотой мне не пришлось.

— Я слушаю вас, — официально произнес он.
Альфред откашлялся и таким же

официальным тоном заявил:

— Командир, я нарушил инструкцию номер три и готов понести наказание.

Орвилл продолжал молча созерцать своего штурмана. Прошло несколько мгновений, показавшихся мне вечностью.

— А его, — он указал на меня, — ты привел в качестве свидетеля? Или ты полагаешь, что теперь мы возьмем с него слово, что он будет молчать и концы в воду?

— Нет, сэр, я не собираюсь прятаться за ваши спины, — просто, но веско ответил ему Альфред. — Я привел его потому, что посчитал нужным рассказать вам о его гипотезе.

— С каких это пор гипотезы младших сотрудников облакаются такими тайнами? — чувствовалось, что Орвилл начинает выходить из себя.

— Сэр, выслушайте меня, пожалуйста, до конца. Согласно вашему разрешению, я рассказал моим подчиненным без некоторых подробностей историю нашего первого полета. Реакция двоих на рассказ была нормальной. Судя по их словам, они сделали правильный вывод. По крайней мере, вывод, который мы хотели услышать. С Генри все вышло не так. Он проанализировал рассказ и его выводы, я почти уверен в этом, в корне могут изменить всю нашу программу...

— Альфред, ты в своем уме? Тысячи ученых работали над этой программой...

— Да, сэр. Я прошу выслушать его, — Альфред смотрел на командира, не мигая.

— Ну, допустим, есть какая-то гипотеза, пусть верная. Ты что, предлагаешь вернуться на Землю и проработать ее? Или застрять на Юпитере? — с возмущением воскликнул капитан.

— Сэр, я предлагаю выслушать Генри, а уже потом принимать решение, — Альфред был неумолим.

— Чушь какая-то, — Орвилл встал и прошелся по комнате. — Ладно, собирай людей. Молодых не трогай.

— Командир, я еще раз прошу лично вас выслушать Генри, — уперся, как молодой бычок, штурман.

— Альфред, если бы это был кто-то другой, а не ты, — командир сжал кулаки, но взял себя в руки, — извини, Генри, это к тебе не относится. Я тебя слушаю.

Сама обстановка не располагала к спокойному изложению. Сбиваясь, я рассказывал свои догадки второй раз, Альфред, спасибо ему, направлял мои мысли. Кое-что я сознательно опустил и по взглядам Альфреда я понял, что поступил правильно.

Теперь была очередь задуматься командиру.

Самое удивительное, что реакция у него была такая же, как и у Альфреда. Только сейчас я не рискнул и пошевелиться. Облегчение от того, что я понесу наказание, уступила беспокойству. Я начинал понимать, что был прав в своих рассуждениях. И кто только тянул меня за язык! Ведь, если сейчас или позже, что не имеет особого значения, командир примет решение приостановить экспедицию, а авторитетные «дяди» скажут, что все это чушь, больше возможностей ни у командира, ни у штурмана выйти в космос не будет. И все это произойдет по моей вине. Но ведь я не хотел этого! Эти люди мне симпатичны, я восхищаюсь их мужеством!

— Я думаю, что ты прав, Альфред, — задумчиво произнес Орвилл. — У меня такое чувство, что ты спасаешь нас во второй раз.

— Ты преувеличиваешь, Джек, — облегченно проговорил Альфред, невольно переходя на «ты». — На этот раз не я — а он, — с улыбкой кивнул он в мою сторону.

— Не скромничай, — во взгляде командира промелькнуло что-то похожее на нежность. — Хорошо. До ближайшего сеанса связи еще два дня. За это время мы сможем провести так называемый «следственный эксперимент». Возражения есть? Нет? Вперед.

Мы с Альфредом вышли в коридор. Он с